

СУБСТРАТНЫЕ ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ФИНАЛИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ДРЕВНИХ ЛИНГВОЭТНИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ

В бассейнах рек Таза, Пура, Надыма, Полуя, Нижней Оби и Иртыша функционирует гетерогенная топонимическая система, включающая собственно русские и нерусские автохтонные географические названия. Исследователю в этой связи приходится иметь дело с топонимическими пластами, отличающимися неопределенностью языковых границ, конвергентностью и дивергентностью культурно-этнических комплексов, языковые особенности которых в условиях длительного постоянного контактирования значительно нивелировались. Так, консонантизм русских говоров Тюменского Севера (в частности, ослабление корреляции шумных звонких согласных по глухости-звонкости) испытал сильное влияние диалектов хантыйского и селькупского языков. Последние, в свою очередь, значительно обогатились русскими лексическими заимствованиями, претерпевшими в новой языковой среде определенные изменения. Все это подтверждает известную закономерность: чем больше и глубже различия контактирующих языков, тем выше степень проникновения элементов одного языка в другой, тем значительнее перестройка их отдельных звеньев.

В статье делается попытка проследить некоторые факты контаминации в обрусевшей топонимии угорского, самодийского и тюркского происхождения. Используемый для этой цели иллюстративный материал отражает показания письменных источников¹, что помогает раскрытию сравнительно давних процессов лингвоэтнического взаимодействия. Однако письменные источники далеко не полностью представляют континуум наименований бесписьменных в недавнем прошлом языков. Значительную роль при воссоздании топонимического ландшафта играют полевые записи (сделанные под руководством автора в 1974—1978 гг.), полнее отражающие реальное состояние местного топонимикона. Учет того и другого для соотнесения уровней всевозможных трансформаций и их конечных результатов особенно важен при хронологической дифференциации заимствований, среди которых можно условно выделить нижний (ад-

¹ Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Тобольск, 1904, т. 1; Карта землеугодий Тюменской области. Тюмень, 1956; Чертежная карта Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. СПб., 1882.

страт), средний (субстрат) и верхний (суперстрат) слои иноязычных топонимов².

Нижний слой составляют контактные лексические заимствования, вычленимые на основе живых пополнений на стыке родственных и неродственных этносов, наличия билингвов или остаточных явлений того и другого. Данный слой полуадаптированных русским языком заимствований обычно легко опознается благодаря синхронным соответствиям их морфонетической структуры с автохтонной структурой неславянской топонимии, а также благодаря возникновению гибридных наименований, полученных в результате скрещивания компонентов из неродственных или близкородственных языков и диалектов.

Средний слой иноязычных топонимов характеризуется более глубокой и всесторонней адаптацией в русской языковой среде, длительностью функционирования, обусловленной продолжительным взаимодействием русского населения с нерусским. Это субстратные названия главным образом локативного, качественного и посессивного типов, претерпевшие грамматическое, а иногда и семантическое переосмысление. Восстановление их исходной формы связано с анализом структурных элементов слова, методика которого разработана Б. А. Серебренниковым, А. К. Матвеевым, А. И. Поповым и др., а также с раскрытием русских наслоений и их частичных модификаций. Существенное значение здесь приобретает обращение к историческим и ранним картографическим источникам, помогающим очертить бывшие контакты тех или иных этносов.

Верхний дорусский слой составляют в основном неясные по языковой принадлежности названия, обычно вычленимые на основе картографирования ареальных общностей. Методика анализа суперстратных топонимов; предложенная А. П. Дульзоном, О. Н. Трубачевым и др., предполагает комплексное описание древних наименований с помощью правил сравнительно-исторического метода, формульности топомodelей, закономерностей возникновения и функционирования топонимов, как совокупных элементов языка. Несомненно важным здесь является привлечение всех имеющихся сведений о древнейших миграциях и данных археологии.

Анализ хронологически разноплановых топонимических заимствований зависит от исследовательских целей, характера описываемого материала и степени его изученности. В топонимике, отмечает И. А. Воробьева, обычно применяется ретроспективный ход исследования: от более поздних топонимов, употребляемых живущими сейчас народами, к более древним³. Ретроспективный анализ, считает А. К. Матвеев, естественно начи-

² Автор статьи употребляет термины адстрат, субстрат и суперстрат в значениях, отличающихся от общепринятых. (Примеч. ред.).

³ Воробьева И. А. Топонимика Западной Сибири. Томск, 1977, с. 89.

нать с выделения дифференцирующих формантов, последовательно переходя к изучению основ и их сопоставлению со всеми формантами⁴. Это позволяет в ряде случаев установить изоглоссы прошлых лингвоэтнических контактов и определить по напластованиям формативов их относительную хронологию. Дифференция напластований нацеливает в одних случаях на разграничение формативов с детерминативами ныне существующих языков, а в других случаях — на выделение реликтовых сегментов, сохранившихся в названиях. В целом же систематизация географических названий по их формативам создает предпосылки для установления лингвоэтнической принадлежности топонима, его структуры и семантики сегментов, что придает известную убедительность интерпретации топонимического этимона.

В заимствованной русскими топонимии нашего региона выделяется большое число групп названий, отличающихся разнообразием финальных рифмующихся сегментов: *-ба/-па, -ва, -ма, -га, -да, -жа, -за, -ка, -ла, -на, -ра, -са, -та/-ты, -ха, -ца/-цы, -ча, -ша, -ай/-ой, -уй, -ак/-ук/-ык, -ам/-ом/-им/-ым/-ум, -ан/-он/-ун, -дан/-дон, -кан/-ган, -ман, -пан, -ар/-ор/-ур, -ас/-ус/-ос/-ус, -ат/-от/-ут, -аш/-иш/-уш* и др. В статье интерпретируется только часть из них.

-ДА

Топоформант *-да* относится к числу реликтовых и до конца не раскрытых формативов. Окончание *-да*, по А. П. Дульзону, возникло из суффикса обладания *-да/та > *-тыг/-лыг*⁵, с чем совершенно не согласен Б. А. Серебренников⁶. Названия на *-да* в нашем регионе не образуют замкнутого ареала. Для ряда из них вычленение форматива *-да* является очевидным: *Бабанда/Бабанья*, рч.—Тб (тат. *бабан* ~ *бабай* «дед, старик»), *Байколда/Байхулда*, рч., *Баколдина*, д.—БУ (тат. *бай* «богатый», *кол* ~ *куль* «озеро»), *Посолда*, р., *Посолдинские*, юр.—Бз (хант. *посол* «протока»), *Тоболда*, рч.—Тб, где *Тобол* — название реки. Компонент *-да* предположительно соотносим с реликтовым селькупско-самодийским **та ~ то ~ ту*, кетским *да* «озеро», «озерная речка» с учетом фонетических модификаций в русской языковой среде.

Сегмент *-да* объединяет также адаптированные русским языком названия, восходящие к заимствованным апеллативам с финальным *да ~ та*, в том числе: а) из тюркских языков: *Балда*,

⁴ Матвеев А. К. Происхождение основных пластов субстратной топонимии русского Севера.— *Вопр. языкознания*, 1969, № 5, с. 42.

⁵ Дульзон А. П. Вопросы этимологического анализа русских топонимов субстратного происхождения.— *Вопр. языкознания*, 1959, № 4, с. 39.

⁶ Серебренников Б. А. Почему трудно разрешать проблему происхождения верхних слоев севернорусской гидронимии.— *Вопр. языкознания*, 1970, № 1, с. 47.

р., с. (рус. Мичурино) (тат. *балта* «топор»); *Башкурда*, д.—Яр (тат. *баш* «главный», *курдум*, *курдюм* «бурная мутная вода»); *Салда/Салта*, оз., *Салдаева*, д.—ТУ (тат. *сал* «рукав реки, приток», *салдам* «брод», местн. тат. *сала* «деревня»; с учетом контаминации допустимо, но маловероятно манс. *салт*, *салта* «липовая кора, лыко»; б) из угорских языков: *Лонда*, р., *Лонды-Тув*, оз.—Тб (хант. *лонт* «гусь»); в) из ненецкого языка: *Лабда/Лавда*, *Лебда/Левда*, д., юр.—БУ (ненец. *лапта* «низина»); ср. хант. *лапта* «долина», манс. *лывда*, *лавда* «заболоченный берег реки»⁷; *Макода*, р.—Нд (ненец. *макода* «верх, верхнее течение»).

Семантика большинства топонимов с конечным *-да* остается неясной: *Голында*, рч.—Сл; *Кода*, *Кады*, рч.—Вг, Хм, Ок; *Куперда*, р.—Тм; *Народа/Норда*, р.—Бз; *Нерда*, р., *Ныда*, рч.—Нд; *Равда*, р.—Тб; *Рауда*, р.—Яр; *Ревда*, оз., *Рында*, р.—Тб; *Севильда*, р.—Тм; *Тебенда*, р.—Тб; *Юконда*, р.—Кн; *Яконда*, вол.—БУ и др.

-ТА, -ТО, -ТУ

Многочисленную группу наименований составляют топонимы с конечными *-то*, *-ту*; *Ванто*, оз.—Шр; *Венготу*, оз.—Пр; *Евайто*, оз., прот.—Нд; *Нгарто*, оз.—Тз; *Нумто*, оз.—Бз; *Пительту*, оз.—Кс и т. д. (всего свыше 300 примеров). Детерминатив *-то* (*-та*, *-то*, *-ту*) образует широкий ареал, относящийся в основном к северноморским и прилегающим к ним территориям проживания ненцев, селькупов, частично коми и хантов. Семантика детерминатива однозначна: ненец. *то*, селькуп. *то* ~ *ту*, к-зыр. *ту*, хант. *туй*, *тув*, *тор*, удм. *то*, венг. *то* «озеро». Э. М. Мурзаев со ссылкой на П.Нора приводит сравнительные данные относительно *-то* на весьма широком лингвогеографическом материале: «айнск., нивх. *-то*, камас. *-ту* «озеро, рукав воды», япон. *-торо* «заводь, омут» и др.⁸

В других случаях сегмент *-та* соотносится с модифицированным *-ты* (*-та*, *-тү*) < *тау* «гора»⁹: *Кызылта/Кызылту*, д.—Иш (тат. *кызыл* «красный») или связан с иноязычными финальными основами на *-т*, к которым по мере русской морфологической адаптации добавляется флексия *-а*: *Адерпаюта*, р., д.—Тз (ненец. *Адер* (*Нгадер*) — название племенной группы, *пае* «ольха», *паёт* «ольховый»); *Ахт* (*Ахтинская*), р., д.—Хм (манс. *ахт* «протока», тат. *агыт* «протока»); *Лята*, р.—Бз (* хант. *лят* «углубление»); *Похта*, р.—Кн (манс. *похт* «грязь, топь»); *Рах-*

⁷ См. также: *Таскаева Л. А.* Заимствованная лексика в географической терминологии русских говоров Среднего Урала.— В кн.: Вопросы ономастики. Свердловск, 1977, вып. 12, с. 141.

⁸ *Мурзаев Э. М.* Трансконтинентальные ареалы местных географических терминов.— В кн.: Ономастика Поволжья. 2. Горький, 1971, с. 122.

⁹ *Койчубаев Е. К.* Казахские географические названия с формантами *-ты* и *-сы*.— В кн.: Топонимика Востока. М., 1969, с. 140.

та, р.— Кн (манс. *рахт* «глина»); *Ширта*, р.— Кс (ненец. *сирита*, селькуп. *ширит* «заснеженный»). Единичны хантыйские топонимы, в которых вычленяется гипотетический *-та*: *Ампута*, р.— Сг (хант., манс. *амп* «собака»); *Ремта*, р.— Бз (хант. *рем* ~ *рен* «кора»); *Таута* > **Тавда*, оз., р.— Нт, Тб (хант. *тоут*, *туй*, *тув* «озеро») и некоторые другие.

-ДАН/-ТАН, -ДОН

Отметив выше ста названий на *-дан/-дон* в Кемеровской области и в местах древнего расселения юкагиров, А. П. Дульзон предлагает выводить данный гидроформант из иранских языков: иран. *-дану*, осет. *-дон* «река»¹⁰. Судя по нашим материалам, ареал топонимии на *-дан* находится в местах длительного проживания угров, тюрков, частично коми и может быть отнесен к числу русских модификаций угорских апеллятивов: манс. *танг/танкв* «мох, болото», хант. *танг/тунг* «прямой»; татарского суффикса причастий *-тан/-дан*¹¹; коми-зырянского послелога *-дын/-дин* со значением места¹². Семантика инициальных основ раскрывается как на финно-угорской, так и на тюркской языковой основе: *Арданка*, р., *Арданская Протока* — Бз, *Артанлы*, рч.— Вг (1) хант. *ари*, манс. *ар* «сезонная речка»; 2) тюрк, *ара*; *ари* «спина, зад, промежутки», «сухое русло»; *Болтаны*, д., *Болтанка*, рч., *Балданская*, прот.— Нт, Ял (тюрк. *бала/вала* «дитя, ребенок», тат. диал. *бала* «маленький». Д. П. Европеус связывает *бала/вала* ~ *бол/вол* с древнеугорским «река, вода»¹³, А. И. Попов — с мерянским обозначением поселения¹⁴, А. К. Матвеев — с финно-угорским «сторона, поселение»¹⁵; *Сигданлар*, оз.— Сг (* хант. *сих*, *сэх*, манс. *сыг*, *сык* «налим»). Другие примеры: *Барданка*, рч.— Сг; *Кольмадан*, р.— Хм; *Лавданская*, прот.— БУ; *Илендан*, р.— Тб; *Пильтанлар*, оз.— Бз; *Чектанка*, р.— Ок.

-АТ, -ОТ, -УТ, -ЫТ

Рифмующиеся сегменты *-ат*, *-ят* характерны для конца субстратных тюркских топооснов: *Абат*. пос.— Аб (тюрк. *аба* «отец»); *Аманды*, д.— ТУ (местн. тат. *аманат* ~ *аманаат* «имущество бога»); *Ирбит*, р.— Нт (* тат. *эрбет* «кедр»). В хантый-

¹⁰ Дульзон А. П. Древние топонимы Южной Сибири индоевропейского происхождения.— В кн.: Топонимика Востока. М., 1964, с. 16.

¹¹ Дмитриева М. В. Язык барабинских татар.— В кн.: Языки народов СССР. М., 1966, т. 2, с. 168.

¹² Попова Е. И. Конструкция с послелогами в коми топонимии.— В кн.: Топонимика Востока. М., 1964, с. 145.

¹³ Европеус Д. П. Об угорском народе, обитавшем в средней и северной России... СПб., 1874.

¹⁴ Попов А. И. Названия народов СССР. Л., 1973, с. 101.

¹⁵ Матвеев А. К. Русская топонимика финно-угорского происхождения на территории севера Европейской части СССР. Докт. дис. Свердловск, 1970, с. 505.

ских диалектах формативы *-ат*, *-ут*, *-ыт*, *-от* являются: а) суффиксами именных основ для выражения неопределенности или приблизительности: *Помут/Помыт*, р., пос. (хант. *пом ~ пам* «трава», *помыт* «рядом с травой»); *Соход > Сохут > Сохыт*, р., *Согот-Игы-Сойм*, рч.—Сг (хант. *сох* «осетр»); *Могут-Еган*, р.—Сг; *Мокрытлат*, оз.—Бз (хант. *мохот ~ муых ~ мухэт* «проточка»); *Таут*, р.—Хм; *Тахат > Тагут*, р., *Таутях*, рч.—Ок (хант., манс. *тайт, таут, тахт* «гагара»).

Часть названий с конечным *-т* соотносится с адаптированным хантыйским детерминативом *кат/кот* (вах.), *хот* (казым.), *кот* (шурыш.), *хут/гут* (сург.) «чум, жилище»: *Кунгут*, оз.—Сг; *Курунгут*, рч.—Тб (хант. сург. *кур* «болото, сухое русло», манс. *кур, хур* «край, пойма», башк. *курғы* «родник», монг. *курай ~ хурай* «сухой», калм. *хуурэ* «сухой»). Другие примеры: *Волгатъеган*, прот., д.—СУ; *Имгыт*, д., р.—Хм; *Качегат*, оз.—БУ; *Лоркут*, р.—Тб; *Сургут*, гор., *Чеченгут*, рч.—Тб.

-ЕВАТ, -ОВАТ

Арéal топонимов на *-еват*, *-оват* охватывает территории, на которых исторически проживали ханты: *Вандеват*, оз.—Хм; *Ванзеват*, с.—Бз; *Киеват*, *Нижний Киеват*, *Старый Киеват*, *Новый Киеват*, д.—Шр; *Киева*, д., *Киевские*, юр.—Ял; *Куноват*, д., *Куноватка* (вар. *Кунаут*, *Кунавот*, *Кунавт*), рч., *Кушеватка*, р., *Кушеват* (вар. *Кушевот*), д.—Шр; *Облеват*, пос., *Облеватка*, р.—Ув; *Пароват*, д., *Пароватские*, юр.—Бз; *Полноват*, с., *Полноват*, с., *Полноватка*, р.—БУ. Формант *-оват/-еват* известен в топонимии мордовского происхождения на южнорусских территориях¹⁶.

На ираноязычной основе значение форманта *-овут* (*-оват*, *-ут*) связывается с согдийским *вт* «место»¹⁷. Тюрк. *ова* «ложбина, местность, исток горного ручья», тунгус. *ова* «ложбина», эвенк. *ова* «впадина», манс. *ов* «течение», хант. *ов* «узкое русло», морд. *ев* «река», хант. шурыш. *авт*, *авет* «крутой мыс, берег». С историко-географической и лингвистической точки зрения интерпретация компонентов топонимии на *-еват*, *-оват* более всего связана с угорскими языками: *Вандеват* (хант. *вант*, *ванд* (*вэнт*, *вонт*) «лес, тайга»), *Ванзеват* (хант. *ванз*, *вэнс* «белая рыба»), *Киеват* (хант. *кеу*, *кев* «камень»), *Кушеват* (хант. *куш*, манс. *хыш* «песок»).

Обзор рассмотренных топонимических финалей свидетельствует о различном взаимодействии их с инициальными компонентами. Интерпретация таких названий, несмотря на всю расплывчатость ареалов, дает возможность предполагать сравнительно древние языковые контакты самодийцев, угров и тюркоязычных народов.

¹⁶ Федорова М. В. Славяне, мордва и анты. Воронеж, 1976, с. 25—29.

¹⁷ Хромов А. Л. Согдийская топонимия верховьев Заревшана.— В кн.: Топонимика Востока. М., 1969, с. 95—96.